

Анатолий Старов

СЛЕДСТВИЕ С ВЕДЬМОЙ НА ПОДХВАТЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Венедикт сидел за письменным столом и лениво перелистывал учебник ботаники. Были весенние каникулы, но приходится и на них вместо отдыха изучать этот ненавистный предмет. Скоро конец учебного года, а оценки в классном журнале по нему далеки от желаемых. Венедикту, собственно по барабану, какая там будет стоять оценка по этому предмету. Но вот мама... Она очень переживает из-за каждой плохой отметки единственного долгожданного сына. Очень уж не хотелось ее расстраивать.

Но неожиданно негромкий, но настойчивый стук в окно отвлек его от невеселых мыслей. Он с удивлением увидел сидящую на водоотливе огромную ворону. Черными бусинками глаз она внимательно смотрела на Венедикта. И от ее взгляда он почувствовал, как по его спине побежали мурашки. Как замороженный смотрел юноша на нечестую в городе крупную птицу, не зная чем можно объяснить этот феномен. А ворона что-то ворчала за окном, переминаясь с лапы на

лапу, не отводя от него взгляда.

Из кухни доносилось будораживающее постукивание посуды, и неслись умопомрачительные запахи готовящегося завтрака. Венедикт поежился зябко, почувствовал, как засосало под ложечкой. Он сглотнул слюну, обильно заполнившую его рот от несущихся из кухни запахов. Отвернулся от окна на мгновение, чтобы взглянуть в сторону кухни, а когда повернулся, за окном ничего не было.

— «Может мне все это привиделось? Ну откуда в нашем городе может появиться ворона, которую я видел только за городом? Я, наверно, перезанимался этой ботаникой, будь она проклята».

Венедикт разочарованно взглянул на лежащий перед ним учебник.

— Мам, скоро кушать будем? — не сдержавшись, закричал он, выбрасывая из головы странную неожиданную встречу с птицей.

— Скоро, скоро, Веня! Ты не отвлекайся, занимайся. У тебя скоро годовая контрольная работа по ботанике, а у тебя в дневнике одни тройки, — донеслось с кухни.

— «Ох уж эта ботаника», — с ненавистью подумал Венедикт. — «Эта старуха меня совсем замучила своими пестиками и тычинками».

С Валентиной Романовной, учительницей ботаники, отношения у него никак не

складывались. Тощая, высокая, с седыми волосами, завязанными тонкими ленточками на затылке в пучок, со злыми, как считал Венедикт, карими глазами, она постоянно к нему придиралась. И даже если он отвечал на ее вопросы хорошо, она снижала ему оценки, при этом ехидно улыбаясь.

— «Сущая ведьма», — решал в такие мгновения Венедикт и с этой мыслью он ходил, пока по какому-нибудь другому предмету не получал отметки, его удовлетворяющие. Тогда злость его немного притуплялась, и он начинал смотреть на мир позитивнее.

Венедикт задумался, глядя в окно. Скорее бы уж летние каникулы. Эта учеба уже достала. Будет, наконец, время заняться любимым делом — читать книги. Эта страсть возникла у него давно и ей он остается верен уже не первый год.

Читал он все, что не попадется ему под руки. Любил он читать о летчиках. У него уже собралась небольшая библиотечка книг и журналов по гражданской авиации. Он с удовольствием листал красочные журналы, знакомился с тактико-техническими данными самолетов, с бьющимся учащенно сердцем читал о наборах в авиационные училища и институты.

— «Может мне летчиком стать», — шевелилась иногда в его голове мысль. — «А что, очень интересная профессия, летать высоко в небе,

любуюсь кучерявыми облаками под крылом самолета, видеть разные города и страны, знакомиться с разными людьми».

Венедикт задумчиво почесал нос и выглянул в окно.

— «Впрочем, есть много и других профессий, не менее интересных. Не буду торопиться принимать жизнеопределяющие решения. Впереди у меня еще несколько лет учебы. Позднее определюсь».

— Венедикт, иди завтракать, — позвала мама, прерывая его размышления о будущей его судьбе.

Венедикт тщательно вымыл руки, критическим взглядом тщательно рассмотрел в зеркале свое лицо, пригладил влажной рукой торчащие на голове волосы и удовлетворенный сел за большой стол. Места за ним было много. Но собирались за столом всей семьей не часто. Правда и семья-то — всего три человека. Венедикт был единственным, очень долгожданным ребенком у Елизаветы и Игоря.

В этот раз сели ужинать вдвоем.

— Мама, а где папа? — поинтересовался Венедикт, намазывая на кусок батона сливочное масло.

— Наш папа сегодня защищает докторскую диссертацию на кафедре. Кажется, это называется предзащитой. Да и мне сегодня некогда сидеть дома

с тобой, надо бежать в клинику. Сегодня к нам приезжают проверяющие из Москвы и мне, кровь из носа, надо быть на работе. Ты поешь, и позанимайся еще немного. Венедикт, ты у нас уже взрослый мальчик и, я надеюсь, умный. Должен сам осознавать, что от твоей учебы зависит твое будущее, будущее твоей семьи. Ты понимаешь, я надеюсь, важность учебы?

— Понимаю, ты не переживай, пожалуйста! Вытяну я годовую по ботанике на четверку. Но должен тебе сказать, что эта ботаника, будь она трижды проклята, мне совершенно не интересна.

— Венедикт, перестань говорить такие слова. Это грубо, а потому и не красиво. Будь культурным мальчиком. И кстати, чуть не забыла тебя предупредить. В этом году на летних каникулах ты поедешь к бабушке в деревню. Тебе надо как следует этим летом отдохнуть. Впереди у тебя будет тяжелый учебный год. В восьмом классе тебе придется сдавать экзамены. Первые экзамены в твоей жизни. Ты должен, понимаешь, должен, сдать эти экзамены хотя бы на «хорошо», — Елизавета бросила взгляд на часы, висевшие на стене, и вскочила со стула.

— Ладно, я уже опаздываю, побежала на работу, а ты... Ну, ты знаешь, что тебе делать.

Мама торопливо поцеловала его куда-то в макушку и, прихватив со стола папку с какими-то

документами, ушла, а Венедикт, легкомысленно забросив учебник ботаники в портфель, достал книгу Конан Дойля и с упоением погрузился в мир таинственных преступлений и расследований гениального Шерлока Холмса и его помощника и друга доктора Ватсона. Недавно возникшее увлечение детективами все больше овладевало им. Вот то, чем Венедикт занимался бы и днем и ночью. Это было его истинно любимым занятием.

Убийства, шантажи, расследования, вот что увлекало его сейчас больше всего на свете. Ему было интересно, как с использованием разработанного им дедуктивного метода гениальному сыщику удавалось найти преступника, когда, казалось, не было никаких зацепок. Читая детективы других авторов, Венедикт всегда пытался использовать этот метод, чтобы вычислить преступника еще до того, как автор раскроет его имя. И иногда ему это удавалось. Юноша этим очень гордился, хотя старался держать свое новое увлечение в строжайшей тайне от всех. Даже его закадычный друг Сергей Уваров, с которым он сидел за одним столом уже долгие семь лет, не подозревал об этой его тайне.

С работы мама пришла поздно. Венедикт, лежа на диване, уже с полным основанием изучал очередное запутанное расследование знаменитых сыщиков.

— Веня, ты поужинал? — заходя в его комнату, поинтересовалась Елизавета.

— Да, мам, — ответил Венедикт, неохотно отрываясь от книги.

— Ну, молодец! Оторвись от своей книги, дай отдохнуть своим глазам и мозгу. Ты скоро со своими детективами совсем с ума сойдешь. Неужели нет других интересных книг? — мама горестно вздохнула, махнула рукой, — Ладно, это твое дело. А сейчас пойдем лучше чайку перед сном попьем, — предложила мама. — Я в магазин по дороге забежала, купила твоих любимых пирожных. Сегодня так устала, такой день был суматошный с этой проверкой. Хочется немного расслабиться.

Венедикт вскочил с дивана, положил книгу на журнальный стол.

— Ты, мама, садись, отдохни. Я сейчас чаю свежего заварю и мы с тобой предадимся заслуженному кайфу.

— Веня, ну что у тебя за жаргон такой. Кайф... Фу, это же так грубо, некрасиво. Ты цивилизованный человек и должен говорить правильным русским языком. Не далее, как сегодня утром мы с тобой об этом говорили. И ты снова используешь в разговоре сленговые слова, — мама укоризненно покивала головой, усаживаясь на стул и вытягивая уставшие за день ноги.

Венедикт только рассмеялся в ответ на замечание матери, ставя на плиту чайник с водой.

Вскоре чайник весело засвистел носиком, и Венедикт споро заварил свежую заварку и разлил по чашкам кипятков. Они сидели на кухне и пили чай с эклерами, которые Венедикт очень любил, и непринужденно болтали о том, что произошло у них за прошедший день.

Раздался щелчок замка входной двери. Венедикт и Елизавета замолчали и в ожидании повернули головы к коридору. Через мгновение в кухню вбежал отец. Радостно возбужденный, с улыбкой во все лицо. На улице было еще по-весеннему прохладно, и отец был одет в легкий плащ. Спеша поделиться с родными радостной новостью, он вбежал в кухню, не раздеваясь.

— Елизавета, Венедикт, можете меня поздравить, — загрохотал в квартире громкий голос отца. — Я сегодня блестяще защитил диссертацию на кафедре.

Венедикт вскочил со стула, подскочил к отцу и одним прыжком повиснул у него на плечах, обхватив ногами и крича во все горло. Отец закружил его по квартире. Запыхавшись, поставил его на пол.

— Ну, братец, и здоровым ты стал! Ты спортом каким-нибудь занимаешься?

— Пап! ну ты и даешь. Я самбо уже более

пяти лет занимаюсь, уже кандидат в мастера спорта.

— Ты это серьезно? Молодец! Я горжусь тобой, сын. А я, к своему позору, даже не знал об этом. Все дела да дела, — в его голосе зазвенели нотки искренней грусти.

Елизавета, терпеливо дождавшись своей очереди, подошла к мужу, приподнялась на носочки и, рукой наклонив голову мужа, поцеловала его.

— Поздравляю, Игорь. Мы с Венедиктом очень рады за тебя. Свою радость Венька выразил криком ужаленного бегемота, — мама улыбнулась, взглянув на смутившегося сына. — Но это у тебя, насколько я понимаю, предзащита была? А когда защита? — повернулась она к мужу.

— Самое главное, родные мои, это защититься на кафедре. На ученом совете университета будет уже легче. Пока точно не знаю, но где-то недели через четыре-пять. Завтра уточню планы ученого совета.

— Я надеюсь, ты теперь чаще будешь бывать дома? — подозрительно глядя на мужа, поинтересовалась Елизавета.

Игорь смутился.

— Понимаешь, Лиза, мне предложили возглавить кафедру в университете. Как это ни печально, но, мне кажется, времени свободного у меня будет еще меньше.

Елизавета в ответ только поморщилась

недовольно.

— И это ты называешь нормальной семейной жизнью? — с сарказмом спросила она.

— Ой, ой, ой! Кто бы говорил об этом?! Сама, наверняка, только что пришла с работы, — Игорь схватил свою миниатюрную жену на руки и закружил с нею по комнате. — Мне Венедикт все о тебе докладывает, правда, Венька?

Венедикт часто заоткрывал рот, пытаясь собраться с мыслями, чтобы дать достойный ответ на провокационный вопрос. А отец, не обращая внимания на усилия сына, поставил жену на пол, достал из «дипломата» бутылку коньяка и гордо водрузил на стол.

— Сегодня мы отмечаем дома мою защиту, — провозгласил он, доставая с буфета пару коньячных фужеров и выставляя их на стол. — А в ресторан я вас приглашу после защиты на ученом совете. Там уж отметим, как положено. Так, а что вы тут пили без меня?

Отец взял со стола кружку сына, сделал глоток и поморщился, будто ему дали попробовать горькое лекарство.

— Венедикт, мы с мамой будем пить коньяк, а ты, уж, брат, извини великодушно, будешь допивать свой чай, — решительно произнес он и оценивающе посмотрел на сына. — Пить что-либо более крепкое тебе, пожалуй, еще рановато.

— Пап, мне уже почти четырнадцать лет, — неуверенно запротестовал он.

— Нет, вы посмотрите на него, — негодуяюще всплеснула руками мать. — Ему еще нет четырнадцати лет, а он уже претендует на коньяк. Никаких коньяков! — безапелляционно заявила она. — Чтобы я даже разговоров таких от тебя не слышала. Чего выдумал! Ты еще сначала научись мокроту под носом вытирать, а потом уж на алкоголь смотри — продолжала кипятиться Елизавета.

Игорь и Венедикт с улыбкой смотрели на разволновавшуюся женщину.

— Не расстраивайся, Венедикт, твоя порция коньяка еще ждет тебя, — Игорь, дождавшись, когда Елизавета полностью выплеснет свои эмоции, взлохматил на голове сына волосы. — Попьешь сегодня чайку со своим пирожным, а мы с мамой выпьем по рюмочке этого божественного напитка.

Они сидели за своим большим столом уже втроем. Игорь с упоением рассказывал подробности защиты диссертации, а Венедикт и Елизавета, затаив дыхание, слушали его. После того, как все подробности были рассказаны и дифирамбы в его адрес слушателями были спеты, Игорь откинулся на спинку и оценивающе взглянул на своего отпрыска.

— Венедикт, я смотрю ты уже вполне

взрослый парень. Уже решил, чем будешь заниматься после школы?

— Пока окончательно не решил, но мне нравится профессия летчика. Может, я в летчики подамся, буду летать на самолетах. Знаешь, какая это интересная профессия!? Я уже перечитал массу интереснейших книг по авиации. И журналы специальные я регулярно покупаю.

— Ну, что ж! — Игорь ободряюще посмотрел на Венедикта. — Профессия летчика, насколько я понимаю, очень интересная, ответственная.

— А еще, Игорь, он постоянно читает книги о всяких преступлениях, о милиции. Совсем помешался на них, — встряла в разговор Елизавета, с неодобрением глядя на сына.

— Это ничего, — успокоил жену Игорь. — Я, когда был молодым, то же очень увлекался детективами. И, признаюсь, одно время даже мечтал стать следователем. Это проходит со временем. У меня, как видите, прошло, и я стал математиком. Если ты, Венедикт, по какой-либо причине, не сможешь стать летчиком или милиционером, ты можешь стать математиком, как я, или врачом, как мама. У тебя, Веня, еще есть время подумать над своим будущим. Я только знаю, что будущее у тебя будет светлое. И это единственное, в чем я уверен на сто процентов, — Игорь взглянул на наручные часы. — О времени-то

уже сколько! Нам пора всем отдыхать, завтра у всех тяжелый рабочий день.

Было далеко за полночь, когда родители отправились в спальню, а Венедикт обреченно, ропща про себя, по долгу младшего в семье, отправился на кухню мыть посуду.

Лежа в кровати, Венедикт с удовольствием погружался в мир очередного расследования Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Когда тайна пляшущих человечков была почти раскрыта, за окном послышался легкий шум. Удивленный Венедикт взглянул на тускло освещенное настольной лампой окно и снова увидел ворону, которая, царапая коготками водоотлив, устраивалась за стеклом.

Юноша, вскочив с кровати, подскочил к окну. Птица, шумно взмахнув огромными крыльями, отпрянула от стекла и исчезла в темноте. Венедикт, взволнованный необычным происшествием, еще долго ворочался в постели, пытаясь найти ему объяснение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошла годовая контрольная работа по ботанике. Как Венедикт и обещал матери, за нее он получил «отлично» и за учебный год получилась итоговая оценка «хорошо» к его удовлетворению и

неожиданному недовольству Валентины
Романовны.

— Струкачев, в новом учебном году, я вот тебе в присутствии всех твоих товарищей говорю, я сяду на тебя, фигурально говоря, и буду сидеть на тебе до тех пор, пока в году ты не будешь иметь отличную оценку, — хрипловатым голосом объявила она, зачитывая перед классом итоги контрольной работы. — Ты способный ученик и четверка, это не твоя оценка. Ты можешь учиться лучше.

— Хорошо, Валентина Романовна, я постараюсь в следующем году по вашему предмету получать более высокие оценки, — послушно пробормотал Венедикт, не глядя учительнице в глаза. — «Вот зануда старая. Все ей нейдет с этой ботаникой», — шевельнулась в его голове нехорошая мысль. — «Кому она нужна, кроме ботаников?».

А дома его уже ждала мать с известием, что через два дня он уезжает в деревню к ее родителям.

— Веня, я сегодня получила от твоей бабушки телеграмму, — мама помахала перед его носом небольшим листком бумаги. — Она с дедушкой будет тебя встречать на городском вокзале. Но, Венечка, — говорила встревоженно она, оценивая разглядывая сына, словно взвешивая его возможности, — тебе придется добираться до

вокзала Орловска самостоятельно. Папа, сам знаешь, в очередной командировке, а у меня в отделении Машенька ушла в декретный отпуск. Замены ей я еще не нашла и мне придется дежурить вместо нее. Ты сам сможешь провести в поезде восемь часов?

— Мама, ты чего издеваешься надо мной? Мне уже скоро четырнадцать лет, а тут ехать-то всего восемь часов — с обидой проговорил Венедикт, и его душа запела от радости. Вот она самостоятельность, вот она воля, о которых он столько мечтал.

— Сынок, я попрошу, чтобы проводник проконтролировал тебя. Но ты у меня уже достаточно взрослый, чтобы без приключений провести в поезде восемь часов, пока не доберешься до Орловска.

И вот настал долгожданный день отъезда. Они стояли на платформе в ожидании поезда. Мама беспрестанно теребила в руках носовой платок и глазами, полными слез, смотрела на Венедикта. На ее щеках горел румянец возбуждения, она то и дело нервно облизывала и без того влажные губы. Впервые она отправляла сына в самостоятельную длительную поездку и поэтому очень переживала. К платформе, плавно тормозя, подошел поезд. Мама, подхватив чемодан и схватив сына за руку, заметалась вдоль состава в поисках нужного вагона.

Подбежав к проводнику, она, с надеждой глядя на него, стала просить его присмотреть за сыном.

— Вообще-то он мальчик самостоятельный, — торопливо говорила она, протягивая ему деньги, зажатые в кулаке. — Вы только проконтролируйте, чтобы он случайно не проспал свою остановку.

Проводник подозрительно покосился на Венедикта.

— А сколько лет мальцу? — оглядываясь настороженно, спросил тот, убирая деньги в карман.

— Ему через две недели будет четырнадцать лет. Вы не беспокойтесь, он у нас мальчик спокойный, самостоятельный. С ним у вас никаких проблем не будет.

— Ладно, мамаша, не переживайте. Довезем ваше чадо в лучшем виде, — пробурчал он, с удовольствием поглаживая карман, куда только что убрал немалые деньги, полученные за ничего не стоящие услуги.

— Спасибо вам. Вы уж проследите за ним, пожалуйста, — Елизавета умоляюще сложила руки на груди и глазами полными слез просяще смотрела на проводника.

— Да не волнуйтесь вы так! Что же вы себя изводите? Довезем мы вашего сына до места назначения и сдадим, стало быть, родственникам из

рук в руки в полной сохранности.

— Спасибо, я так благодарна вам за помощь, — Елизавета улыбнулась усатому, толстому проводнику такой благодарной искренней улыбкой, что у того в душе заворочалась давно спящая совесть.

Проводник смущенно крякнул, неожиданно вспотевшей рукой погладил карман, где согревали душу недавно положенные туда деньги.

— «Может отдать женщине ее деньги, будь они неладны?» — шевельнулась в его мозг мысль. — «Вон как мамаша переживает. Словно на луну сына отправляет. Да вроде как-то и неудобно деньги возвращать».

Пока он решал эту сложную для него задачу, Елизавета повернулась к сыну.

— Ну, вот, Венечка! Все лучшим образом устроилось. Проводник за тобой присмотрит. А ты веди себя хорошо, не балуй. И, Веня, не выходи на остановках из поезда. Еще не хватало, чтобы ты отстал и остался в незнакомом месте без денег, документов. Господи, я так волнуюсь за тебя, так волнуюсь, — вытирая слезы носовым платком, пробормотала она.

По вокзалу объявили об отправлении поезда. Елизавета прижала сына к груди и осыпала поцелуями. Венедикт покорно переносил ласки мамы, косясь по сторонам — никто на них

внимания не обращает?

Отправляясь в свое первое самостоятельное путешествие, Венедикт тщательно изучил маршрут своего движения. Сделать это, впрочем, было совсем не сложно, нужно было просто выучить несколько остановок, которые делал поезд, прежде чем прибудет на нужную станцию.

Всю дорогу Венедикт просидел на своей полке, читая прихваченный из дома очередной детектив. Впервые попав в поезд один, без взрослых, он очень стеснялся достать из чемодана провиант, что положила заботливая мама и поесть. Так и проехал он всю дорогу, подкрепляясь иногда печеньем.

Доброжелательные соседи по купе, узнав, что юноша едет один, приглашали его разделить с ними нехитрую дорожную еду, но Венедикт решительно отказался, сославшись, что дома он плотно поел, а ехать до его станции совсем недалеко. Вскоре соседи оставили юношу в покое, и он с увлечением занялся расследованием очередного книжного преступления.

Когда еще было светло, он иногда отрывался от книги и смотрел в окно на пролетающий мимо пейзаж. Но вскоре за окном стало темно, и смотреть стало совсем не интересно. Лишь иногда вдали виднелись огоньки окутанных тьмой деревень.

Соседи начали готовиться ко сну, и Венедикт

был вынужден выйти в коридор и пристроиться на откидной скамейке. Так он и просидел на ней всю оставшуюся дорогу.

Поезд подъезжал к Орловску поздно ночью. К назначенному времени прибытия, когда послышался негромкий шелест тормозных колодок и поезд стал заметно снижать скорость, Венедикт взял свой чемодан и направился в тамбур. Проходя мимо купе проводника, он постучал и попросил заспанного проводника открыть дверь. Тот долго бурчал недовольный, что его разбудили среди ночи. Венедикт с усмешкой смотрел, как проводник долго шарил по карманам, разыскивая запропастившиеся куда-то ключи. Наконец он их нашел, лежащими на столе под смятой газетой. Бормоча недовольно что-то под нос, зашаркал в тапочках на босу ногу в тамбур. Когда поезд затормозил у вокзала, проводник открыл дверь. В тамбур ворвался свежий и, по ночному, прохладный воздух.

На платформе, плохо освещенной несколькими тусклыми лампочками, металась бабушка Анастасия в поисках прибывшего внука. В стороне, прислонившись к давно некрашеной, обшарпанной, стене вокзала, стоял дед Павел и спокойно курил папиросу. Спрыгнув с тамбура, Венедикт оказался в объятиях бабушки. Только он освободился от объятий бабушки, как попал в руки деда. Дед приподнял его руками и расцеловал,

тыкаясь ему в лицо небритой щекой. От деда пахло табаком, свежескошенной травой и массой совсем уж незнакомых запахов.

— Внучек, — пророкотал он басом, — вырос-то ты как. Совсем юношей стал. Потяжелел ты, однако, братец. Я тебя едва от земли оторвал. Как доехал-то, нормально? — и не дожидаясь ответа внука, повернулся к стоящей рядом жене, — Анастасия, поехали домой, поздно уж, — берясь за чемодан Венедикта, закончил он. — Юноше пора на боковую.

В деревню добирались на старом, грохочущем на разбитой проселочной дороге, дедовом «Москвиче». Дед почти всю дорогу молчал, внимательно вглядываясь в тускло освещаемую фарами дорогу, а бабушка с неподдельным интересом расспрашивала Венедикта о родителях, о делах в школе.

— Могли бы и приехать твои родители, проведать стариков, — нарушил молчание дед, вклинившись в их разговор и круто закладывая руль, чтобы не влететь в очередную ухабину. — Совсем забыли стариков, уж лет семь как не приезжали. Ты у нас был, когда поперек лавки еще помещался, а сейчас вон какой вымахал. Еще пару годочков и меня догонишь.

— Ладно тебе, старый, — перебила его бабушка. — Людям сейчас не до нас. Видишь,

времена-то какие настали. Не поработаешь — жить не на что будет.

Дед что-то негромко пробурчал, но грохот заглушил его слова. Он очередной раз резко крутанул баранку.

— Вот дорога, язви ее в душу, — возмущенно прохрипел он. — И ведь не сделают эту треклятую дорогу, пока кто-нибудь не разобьется на ней.

Он что-то еще пробормотал, но из-за шума ничего не было слышно. Прошло немало времени этого испытания нервов людей и прочности машины, пока не выехали на хорошую асфальтированную дорогу. Дед увеличил скорость, и вскоре показались редкие огни спящей в столь поздний час деревни. Павел плавно притормозил и съехал с трассы на деревенскую дорогу. Еще несколько минут беспрестанной болтанки и фары осветили ворота дома. Не заглушая двигатель, дед вышел из машины, распахнул ворота и она, урча, вползла во двор. Из будки выскочила огромная лохматая собака и, гавкнув для острастки, принялась прыгать вокруг хозяина. Когда из машины вылез Венедикт, собака насторожилась, замерла и настороженно посмотрела на незнакомца.

— Рекс, это свой!

Словно поняв слова хозяина, пес дружелюбно завилял хвостом и, подняв голову, хрипло гавкнул несколько раз. Посчитав свою миссию охранника

вполне выполненной он, гремя цепью, отправился в будку. Высунув из лаза голову, внимательно смотрел на суматоху во дворе.

Дед загремел ключами, открывая дверь дома. Он исчез в темном проломе, и через мгновение яркая электрическая лампочка вспыхнула над крыльцом.

— Входи, внучек, в дом, — бабушка подтолкнула в спину замешкавшегося Венедикта.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С волнением Венедикт вошел в этот старый дом. Ведь в нем родилась и провела свое детство его мама.

— Проходи внук, смелее, — с пафосом проговорил дед. — Ведь это дом твоих предков, это и твой дом Венедикт. Вот нарожаешь детей и будешь их к нам на лето привозить в деревню, на свежий воздух, молочко, творожок...

— Перестань, Паша, притомлять ребенка. Если ты еще не заметил, на улице глубокая ночь и ребенку нужно давно спать. Завтра будешь выступать, болтун старый. Грохочет тут своим басом на всю деревню. Правильно я говорю, Венечка? — бабушка ласково прижала его к груди и поцеловала в макушку. — Пойдем, я покажу тебе комнату, где ты будешь жить. Ой, да что это я

старая? — всполошилась неожиданно Анастасия, — Ты, поди, голоден, внученок?

— Нет, спасибо, бабушка, я не хочу есть.

— Тогда ладно. Может ты и прав, скоро светать начнет, а там уж завтракать будет пора. Пойди пока отдохни.

Бабушка провела его в небольшую, но очень уютную комнату.

— Веня, это комната твоей мамы. Здесь она спала, занималась. Прожила здесь, пока десятилетку не закончила. А уж как поступила в институт, так и закончилось ее житье здесь. — Анастасия горестно вздохнула. — Ой, да что это я со своими разговорами к тебе пристаю. Ложись, давай, поспи. Завтра все посмотришь. Я тебе уже постелила. Туалет ты знаешь где. Все, спокойной ночи, ангел ты мой. Храни тебя Господь, — бабушка поцеловала внука в щеку и неслышно вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Венедикт выключил свет и лег на кровать. Мягкая перина и большая пуховая подушка ласково взяли его в свои объятия. Через мгновение, утомленный переездом и встречей, юноша заснул.

Утром Венедикт проснулся от негромкого разговора, доносящегося сквозь прикрытую в комнату дверь. Он встал с постели, сладко потянулся, разминая слегка затекшие мышцы, и толкнул дверь. Она охотно поддалась его усилиям.

Он стоял посреди большой комнаты и с интересом разглядывал обстановку комнаты. Ему было все в новинку — и старый дубовый трехстворчатый шкаф с красивыми резными дверцами, и потемневший от времени буфет, где была выставлена парадная посуда, и множество фотографий, развешанных по стенам. На них были изображены какие-то бородатые мужчины и красивые дамы в длинных платьях. А рядом висели современные фотографии, на которых были и его родители, и сам он в разные годы жизни.

— Венечка, ты уже встал? — отвлек его от рассматривания голос бабушки. — Как тебе спалось на новом месте?

Венедикт обернулся на голос. В дверях кухни стояла баба Настя, в старом, выцветшем на ярком летнем солнце халате в крупный красный горошек, подпоясанная фартуком.

— Доброе утро, внучек. Это не мы с дедом тебя разбудили своими разговорами?

— Нет, бабуля, доброе утро. Я уже выспался.

— Ну и, слава Богу! Иди, умывайся, да завтракать будем. А ты фотографии рассматривал? — бабушка подошла к нему. — Вот на этих старых фотографиях твои прабабушка и прадедушка. Это родители деда твоего. От моих родителей, к сожалению, и фотографии не осталось. Им не до фотографирования было. Времена были

тяжелые. Ну, а на этих — ты всех знаешь, — бабушка кивнула на современные снимки. — Здесь и ты есть, и родители твои. Они, хоть и не балуют нас посещением, но фотографии присылают и письма пишут регулярно, дай Бог им здоровья. По фотографии я тебя сразу и узнала, когда нынче встречали тебя с поезда. Ну, пошли завтракать, голодный, поди?

Когда Венедикт, умытый и тщательно причесанный, вошел в кухню, у него от удивления даже челюсть отвисла. На столе стоял завтрак, состоящий из сковороды жаренной на вкуснейшем деревенском подсолнечном масле картошки, огромной миски нарезанных крупными кусками помидоров, огурцов и репчатого лука, щедро посыпанных свежесобранными укропом и петрушкой. Посреди стола стояла огромная тарелка с тончайшими блинами, прикрытыми эмалированной крышкой, а рядом примостились две солидного вида крынки со сметаной и сливочным маслом. Такого изобилия в своем доме на завтрак он никогда не видел.

Дед уже сидел за столом и задумчиво поглядывал на жену. Увидев внука, встрепенулся, заулыбался радостно.

— Веня, садись завтракать, внучек. Я уже заждался тебя. Вы городские любите поспать. В деревне мы рано встаем. Нам хозяйство не

дозволяет долго в постели валяться. Э... жена, — Павел вопросительно взглянул на Анастасию, — а в честь прибытия к нам на отдых внука мне не положено к завтраку?... Ну, сама понимаешь, чего.

Бабушка недовольно покосилась на мужа.

— И, с какого-такого события ты хочешь напиток, да еще с утра пораньше? — проворчала она.

— Почему напиток? В кои века внук приехал к нам в гости, а мы встречаем его на сухую! — воспротивился дед.

— Ой, да хоть залейся этой... — в сердцах сказала бабушка и с испугом покосилась на Венедикта.

Дед Паша, услышав вымученное разрешение жены, с готовностью опустил руку и, как хороший иллюзионист, через мгновение поднял ее уже с темно-зеленой стеклянной бутылкой. Он поставил ее на стол и с сомнением взглянул на внука.

— Тебе сколько годов-то? — поинтересовался он.

— Четырнадцать скоро будет, — с готовностью ответил Венедикт.

— Да, ты что, дед?! Сам пей, сколько хочешь, но мальчика не смей спаивать, — даже подпрыгнув на табуретке, возмутилась бабушка. — Ишь, чего удумал, старый! — грозно проговорила она. И тут же резко сменив тон и громкость, ласково

проговорила: — Ешь, внучек, ешь. Не слушай этого старого дурака. Совсем на старости лет из ума выжил, — покрепчавшим голосом заключила она, испепеляюще взглянув на мужа.

Дед Паша неодобрительно покачал головой, услышав тираду жены, но промолчал, сдержавшись по причине приезда долгожданного внука. Он налил себе граненый стакан мутноватой жидкости и медленно, смакуя, выпил.

Венедикт, полуоткрыв рот, и бабушка внимательно наблюдали, как с каждым глотком двигался на мощной шее деда кадык.

— Алкоголик законченный, — не удержалась от комментария бабушка, — И куда она в тебя только лезет?

Выпив последний глоток, крикнул от удовольствия и, подцепив вилкой из миски большой кусок помидора с прилипшим ломтем репчатого лука, зажевал им выпитое, благостно на всех поглядывая.

— Внука бы постеснялся, паразит. Какой пример мальчонке подаешь?

Венедикт, не удержавшись, прыснул в кулак. Анастасия негодующим взглядом смотрела на мужа, но дед, мужественно вынес взгляд жены и проигнорировав ее слова, налил себе второй стакан.

Бабушка, наложив в тарелку жареной картошки, пододвинула ее к внуку.

После необычно плотного завтрака, Бабушка принялась мыть посуду, а внук с дедом отправились осматривать большое хозяйство. Венедикт с интересом выслушивал комментарии деда о каждом животном, имеемом в большом загоне. А животных было много. Здесь были и корова, задумчиво жующая жвачку в ожидании, когда ее выгонят на пастбище, и несколько жирных свиней, жизнерадостно хрюкающих в большом теплом свинарнике, и кролики в огромной клетке, бодро уничтожающие брошенную им траву.

По двору гордо разгуливало небольшое стадо гусей. Увидев постороннего, они раскрыли огромные крылья, наклонили низко головы на длинной гибкой шее и угрожающе зашипели, словно змеи. Дед поднял с земли хворостину и отогнал их от внука. Гуси, рассерженно гогоча, недовольно крутя головами на вертикально стоящей длинной шее, неохотно отправились в дальний угол двора.

Из курятника доносилось озабоченное кудахтанье кур. Пока они стояли у загораживающей сетки, разноцветный красавец петух вывел свой гарем курей на волю. Он подозрительно покосился на Венедикта, грозно заклокотал и, разогнавшись,

подпрыгнул высоко и ударился грудью в сеть. Юноша с опаской отскочил от сетки подальше.

— Ну, ты! — грозно прикрикнул дед, — никто не покушается на твой гарем. Сатрап, язви твою душу. Допрыгаешься у меня до похлебки.

Петух, проигнорировав угрозу деда, злобным взглядом проводил отходящих от сетки деда и внука.

Дед повел внука в огород. Большие плантации были отведены под помидоры, баклажаны, сладкий перец, и еще какие-то культуры, названия которых Венедикт даже не знал. А потом начались посадки уже подросшей высоченной кукурузы, подсолнечника. Они шли и шли, казалось, по бесконечному огороду пока не уткнулись в полосу непролазного кустарника, за которым виднелась широкая, полноводная река, что весело несла свои воды среди живописных берегов, щедро поросших живописными деревьями, что словно нарисованные склонили кроны над водами, любясь своими отражениями.

Венедикт невольно залюбовался этим чудным видом истинно русской природы средней полосы России. Налюбовавшись в молчании, Венедикт повернулся к молчаливо стоящему Павлу.

— Дед, а что это за строение? — Венедикт махнул рукой в сторону старого, почерневшего от времени дома, стоящего недалеко от берега реки у

самой границы зарослей.

— А! Это наш старый дом. Его еще мой прадед построил. Раньше-то как было? Водопровода не было, а пить что-то надо, да и скотину поить, и огород поливать. Да куда ж без воды-то? Вот и строили дома у реки, поближе к воде. Это потом уж стали расширяться, дома новые понастроили. Вот и мы построились, давно уже. А этот дом мы давно забросили, вот и стоит. Все руки не доходят разобрать его. И проход к реке весь зарос. Да он нам и не нужен вовсе. У нас теперь водопровод. Чего-чего, а воды нам хватает.

— А что там, в том доме? — поинтересовался Венедикт.

— Да что там может быть доброго-то? Рухлядь всякая старая. Я, признаться, так давно не заглядывал туда, что уже все и позабыл.

— А можно мне посмотреть, что там? — заглядывая в глаза деда, спросил Венедикт.

— Дак, почему же нельзя? Смотри в свое удовольствие. Ты только того... не перецарапайся там... и не сломай себе чего-нибудь. А то мне бабка голову оторвет, — заволновался дед.

— Ладно, дедуля. Я аккуратно, — успокоил его юноша.

— Вот и ладно, любопытствуй. А я пошел тогда, надо хлев поправить. Крыша слегка прохудилась, в дождь кое-где подкапывает, надо бы

ее перекрыть, — пояснил он.

— Я совсем ненадолго задержусь. Посмотрю только и домой, помогать тебе крышу ремонтировать.

— Это хорошо, что поможешь. Столько дел по хозяйству, на все рук не никак хватает, — дед сокрушенно махнул рукой и спешно направился по тропинке к своему дому.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда дед удалился на значительное расстояние, Венедикт, ухватившись за металлическую скобу, выполняющую когда-то, в лучшие для себя времена, роль дверной ручки, потянул на себя дверь. Старые, заржавевшие петли заскрипели и очень неохотно поддались усилиям юноши. Упершись в землю, Венедикт с трудом распахнул ее настежь.

С трепетом вошел он в этот старый дом. Сколько поколений его предков прожили в нем. Здесь когда-то звучали голоса людей, бурлили нешуточные страсти. А сейчас здесь царило запустение, дом выглядел сиротливо, жалостливо. У Венедикта даже тоскливо сжалось сердце.

Войдя в дом, он с любопытством огляделся. Его окутал запах пыли, от которого у Венедикта начали подрагивать ноздри и непроизвольно

скривились губы — сухо и кисло пахло пылью, крысиными экскрементами и еще чем-то совершенно незнакомым.

У самой двери на полу, покрытом толстым слоем мусора, стояло огромное запыленное зеркало в массивной деревянной раме, покрытой замысловатой резьбой. Венедикт, мельком взглянув на него, отвернулся. Зеркало его не заинтересовало, ему хотелось найти чего-нибудь более интересное. Он внимательно всмотрелся в царивший полумрак. Давно немытые небольшие окна очень неохотно пропускали свет в комнату.

В доме было несколько комнат. Комната, в которой сейчас стоял Венедикт, была, судя по всему, самой большой. Вдалеке были видны слепые провалы дверей, ведущих в другие комнаты. Венедикт решил сначала осмотреть эту комнату. А уж потом, если хватит времени, проверить и другие.

Он медленно пошел посреди огромной комнаты, чтобы в полумраке случайно не наткнуться на что-нибудь, чтобы ненароком не потревожить огромных жирных пауков, раскинувших свои сети между старыми, сломанными стульями, какими-то коробками с неизвестно каким скарбом. Сети были густо усеяны высохшими трупами насекомых, имеющих неосторожность попасть паукам на обед.

В доме стояла полная тишина, ничего не было

слышно, кроме его собственного учащенного дыхания, да где-то одиноко жужжала муха, вероятно попавшая в одну из построенных пауками ловушек...

Неожиданно его слух уловил тихий шорох. Он в испуге отпрыгнул, когда увидел, как на середину комнаты медленно выползла огромная жирная крыса. Она взглянула на оторопевшего юношу красненькими глазками, отвернулась равнодушно, и, сев посреди комнаты на задние лапы, начала тщательно мыть мордочку, смешно обтирая ее лапками. Так же не торопясь, тщательно вылизала живот.

Венедикт как замороженный стоял неподвижно, с любопытством наблюдая за ее действиями. В городе при всем своем желании такого не увидишь, чтобы вот так запросто совершенно дикая крыса на твоих глазах спокойно приводила себя в порядок. Наконец, крыса умылась и, бросив на него презрительный взгляд, медленно побрела куда-то под грудку мусора, таща за собой длинный голый хвост.

Венедикт зашевелился, разминая тело после долгого оцепенения. Постоял недолго, вновь переживая волнение от этой неожиданной встречи, и осторожно ступая по скрипучим полам дома, отправился дальше. Он быстро окинул взглядом кучи хлама, надеясь найти что-нибудь интересное.

Его внимание привлек торчащий из кучи мусора кусок трубы. Что-то было необычное в нем.

Он потянул его на себя и к своей неопишуемой радости увидел, что это не обычная труба, а ствол старой ржавой винтовки. Венедикт вытащил весь ствол и очень огорчился, увидев, что деревянный приклад отсутствовал, не было и затвора. Он заворожено смотрел на кусок ржавого железа. Этот кусок сейчас был бесполезен, а несколько десятков лет назад это было грозное оружие. И сколько жизней, возможно, унесло оно? Страшно представить.

Венедикт был так увлечен рассматриванием найденного сокровища, что совсем не обратил внимания на негромкий шорох, раздавшийся за его спиной. Юноша не видел, как затуманилось старое, запыленное зеркало, и из него, слегка согнувшись, мягко ступая, в старый дом шагнула девушка. Встав напротив двери, она заслонила собой свет. Заметив, что в комнате значительно потемнело, Венедикт почувствовал присутствие постороннего человека в помещении. Он резко обернулся и увидел у дверей стройную девушку, приблизительно одного с ним возраста.

— Ты кто и как тебя как зовут? — быстро оправившись от неожиданной встречи, спросил юноша.

— Я девушка, — усмехнувшись, приятным

голосом сказала незнакомка, — а зовут меня Василисой, а тебя?

— Меня Венедиктом. Ты как здесь очутилась? — поинтересовался юноша.

— Я шла по берегу реки и увидела открытую дверь. Я здесь часто гуляю, но первый раз вижу, что кто-то открыл этот старый дом. Мне стало интересно, кто это залез в этот давно заброшенный дом? Я смотрю, одет ты не по-нашему, деревенскому. Ты приехал из города?

— Да. Я приехал на каникулы к бабушке и дедушке. А ты здесь живешь?

Венедикту показалось, что девушка смутилась. Может ему только так показалось.

— Да, я местная, деревенская, — спустя секундную паузу, ответила Василиса.

Венедикт с сожалением посмотрел на свою неожиданную находку, огорченно вздохнул и положил ствол винтовки на кучу мусора, решив, что рассмотрит ее подробно позднее, когда будет здесь один, без свидетелей.

Они вышли из дома, и Венедикт смог при дневном свете рассмотреть свою новую знакомую. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Длинный цветастый сарафан безуспешно скрывал все достоинства стройной девичьей фигуры. Длинные черные волосы свободно спускались ниже плеч, почти до пояса. Необычно ярко зеленые глаза